

УДК 821.111-2
ББК 84(4Вел)-6
Ш81

Серия «Эксклюзивная классика»

George Bernard Shaw

CAESAR AND CLEOPATRA
JOHN BULL'S OTHER ISLAND
THE APPLE CART

Перевод с английского

Серийное оформление и компьютерный дизайн *Е. Фerez*

Печатается с разрешения
The Estate of Bernard Shaw c/o The Society of Authors.

Шоу, Бернард.

Ш81 Цезарь и Клеопатра : [пьесы : перевод с английского] /
Бернард Шоу. — Москва : Издательство АСТ, 2019. —
416 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-112624-7

В сборник вошли три пьесы Бернарда Шоу, раскрывающие разные грани его драматургического таланта. «Цезарь и Клеопатра» — абсолютный шедевр его творческого наследия, беспощадная историческая сатира на вечные темы политики, войны и борьбы за власть. В 1945 г. режиссер Габриэль Паскаль снял по пьесе фильм, главные роли в котором исполнили Вивьен Ли и Клод Рейнс.

«Другой остров Джона Булля» — образец драмы идей — посвящен проблеме отношений Англии и Ирландии, которую Шоу, будучи ирландцем, всегда принимал близко к сердцу. Премьера прошла с оглушительным успехом — спектакль даже посетил премьер-министр, а также было заказано специальное представление для короля Эдуарда VII.

В жестокой сатирической притче «Тележка с яблоками», которая относится к так называемым «политическим экстраваганцам», Шоу смеется над бессмысленностью бюрократической машины и нелепостью интриг власть имущих.

УДК 821.111-2
ББК 84(4Вел)-6

© George Bernard Shaw, 1907, 1913, 1928,
1930, 1931, 1941, 1944

© The Public Trustee as Executor of the Estate
of George Bernard Shaw, 1957, 1958

© Перевод. М. Богословская, С. Бобров,
наследники, 2018

Школа перевода В. Баканова, 2019

© Перевод. О. Холмская, наследники, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-112624-7

ЦЕЗАРЬ И КЛЕОПАТРА

Пролог

Врата храма бога Ра в Мемфисе. Глубокий сумрак. Величественное существо с головой сокола, излучающее таинственный свет, выступает из мрака в глубине храма. Бог с величайшим презрением окидывает взглядом современную аудиторию и после некоторой паузы обращается к ней со следующими словами:

— Молчание! Умолкните и слушайте меня вы, чопорные маленькие островитяне! Внемлите мне вы, мужчины, что носите на груди своей белый папирус, на котором не начертано ничего (дабы изобличить младенческую невинность мозгов ваших). Слушайте меня вы, женщины, облакающиеся в соблазнительные одежды, вы, скрывающие мысли свои от мужчин, дабы они верили, что вы считаете их сильными и могущественными повелителями, тогда как на самом деле в сердце своем вы знаете, что они неразумные дети. Смотрите на мою соколиную голову, смотрите и знайте: я — Ра, который некогда был могущественным богом в Египте. Вы не можете пасть передо мною на колени, распростершись ниц, ибо вы стиснуты в тесные ряды и лишены свободы движения и не видите дальше спины сидящего впереди вас; а к тому же ни один из вас не осмелится признать сие достойным и подобающим, пока не увидит, что и все остальные делают то же, — откуда и происходит, что

в решительные минуты вы пребываете в бездействии, хотя каждый из вас говорит своему ближнему, что необходимо что-то сделать. Я не требую от вас преклонения, я требую лишь тишины. Пусть мужчины ваши не говорят, а женщины пусть не кашляют, ибо я желаю перенести вас далеко в глубь времен, за две тысячи лет, за могилы шестидесяти поколений. Вы, жалкие последыши, не мните себя первыми. Другие глупцы видели до вас, как солнце всходило и закатывалось, а месяц менял лицо свое и час свой. Чем были они, тем вы стали ныне, но далеко вам до их величия; пирамиды, воздвигнутые моим народом, стоят и по сей день, а эти кучи праха, что вы зовете империями, где в рабстве влачите вы дни свои, рассыпаются по ветру, хотя вы и заваливаете их телами сынов ваших, дабы скопилось побольше праха.

Внемлите же мне, о вы, принудительно обученные! Узнайте, что, подобно тому, как ныне у вас существует старая Англия и новая Англия и вы растерянно топчетесь между той и другой, так некогда, в те дни, когда люди поклонялись мне, существовал старый Рим и новый Рим, и между этими двумя Римами растерянно топтались люди. И старый Рим был мал и беден, свиреп и алчен и страдал многими пороками; но так как ум его был мал, а труд его был прост, он жил своим умом, и труд его спорился. И боги снисходили к нему, и помогали ему, и поддерживали его, и охраняли его; ибо боги проявляют терпение к малым. И вот старый Рим, словно нищий, очутившийся на коне, понадеялся на милость богов и сказал: «Увы мне! Нет ни величия, ни богатства в малости моей. Кто хочет идти путем богатых и великих, тот должен грабить бедных и убивать слабых!» И стали римляне грабить бедняков и овладели в совершенстве этим искусством, и бы-

ли у них законы, в силу которых деяния их считались пристойными и честными. А когда выжали бедняков своих досуха, они стали грабить бедняков других стран и присоединили эти страны к Риму и создали новый Рим, богатый и необъятный. А я, Ра, смеялся над этим, ибо мозги римлян остались все такими же, между тем как владычество их распространилось по всей земле.

Так слушайте же меня, дабы понять то, что вы сейчас увидите. В те дни, когда римляне все еще топтались между старым и новым Римом, среди них явился могущественный воин, великий Помпей. Но путь воина есть путь смерти, а путь богов — путь жизни; и поэтому бог к концу пути своего являет мудрость свою, а воин в конце пути своего оказывается глупцом. И вот Помпей стоял за старый Рим, где только воины могли достигнуть величия; но боги обернулись к новому Риму, в котором каждый человек, обладавший умом, мог сделаться тем, чем он хотел. И друг Помпея, Юлий Цезарь, был на той же стороне, что и боги: он видел, что Рим перерос владык своих — старых маленьких римлян. И Цезарь этот был великий краснобай и политик: он покупал людей словами и золотом, подобно тому, как ныне покупают вас. А когда они перестали довольствоваться словами и золотом и потребовали побед и военной славы, Цезарь, уже не в юных годах, обратился к этому ремеслу; и те, что восставали против него, когда он заботился о благоденствии их, склонились перед ним, когда он стал убийцей и завоевателем. Ибо такова природа ваша, смертные. Что же до Помпея — он надоел своими успехами и тем, что он сам себя возомнил богом; ибо он толковал о законе, и долге, и о прочих вещах, которых не может касаться жалкая человеческая тварь. И боги улыбнулись Цезарю, ибо он смело жил жиз-

нию, которую они даровали ему, и не хулил нас постоянно за то, что мы, созидая живое, не ведаем стыда, и не прятал деяний наших от людей, как если бы это было нечто постыдное. Вы хорошо знаете, о чем я говорю, ибо это один из ваших собственных грехов.

И так случилось между старым и новым Римом, что Цезарь сказал: «До тех пор пока я не нарушу закон старого Рима, мне не удастся получить свою долю во владычестве над ним, и дар владычествовать, дар, который мне дали боги, погибнет и не принесет плода». Но Помпей сказал: «Закон выше всего, и если ты нарушишь его, ты должен погибнуть». И сказал Цезарь: «Вот я нарушу его, и пусть тот, кто осмелится, убьет меня». И он нарушил закон Рима. И Помпей пошел на него, как сказали бы вы, с великой армией, дабы изничтожить его и утвердить старый Рим. И Цезарь бежал через волны Адриатического моря, ибо великие боги хотели дать ему урок, тот же урок, что в свое время получите и вы, если вы так же будете забывать их и поклоняться этому прохождению среди богов — Маммону. И поэтому, прежде чем вознести Цезаря и сделать его владыкой мира, они захотели бросить его в прах к ногам Помпея и очернить лицо его перед всеми народами. Помпея же они возвеличили и вознесли выше прежнего — и законы его, и его высокомерный ум, который, словно обезьяна, пытался подражать богам. И сделали они это затем, дабы страшнее было его падение. И Помпей отправился в погоню за Цезарем, и раздавил его всем величием старого Рима, и стал над ним и надо всем миром, подобно тому как вы стоите ныне с вашим флотом, что покрывает воды морские на тридцать миль. И когда Цезарь был низринут и повержен в прах, он поднялся в последний раз, дабы умереть с честью, и не от-

чаялся, а сказал: «Вот они против меня — и Помпей, и старый Рим, и закон, и легионы — все, все против меня; но высоко надо всем этим — боги; а Помпей — глупец». И боги засмеялись и похвалили его. И на полях Фарсалы совершилось невозможное: кровь и железо, на которых держится ваша вера, пали перед духом человека, ибо дух человека — это воля богов. И могущество Помпея рассыпалось в руке его, подобно тому как рассыпалось могущество державной Испании, когда она обратилась против ваших предков в те дни, когда Англия была мала, и жила своим умом, и полагалась на свой ум, а не на то, что она распространяет в газетах. И потому остерегайтесь, дабы какой-нибудь маленький народ, который вы обратили в рабство, не поднялся и не обратился в руках богов в бич, что обрушится на ваше хвастовство и вашу несправедливость, на ваши пороки и вашу глупость.

Так хотите ли вы теперь узнать о конце Помпея или вы будете спать, когда говорит бог? Внемлите словам моим, ибо Помпей отправился туда, куда и вы пошли ныне, — в Египет, где стояла римская армия, подобно тому как ныне там стоит британская армия. И Цезарь погнался за Помпеем в Египет; римлянин бежал, и римлянин гнался за беглецом: пес, пожирающий пса. И египтяне говорили: «Глядите, вот римляне, которые давали золото царям нашим и собирали с нас дань силой оружия своего, не они ли призывали нас быть верными им и предавать нашу родную страну. И вот теперь перед нами два Рима — Рим Помпея и Рим Цезаря. Которому же из них ныне должны мы хранить верность?» И в смущении своем они обратились к воину, который некогда служил Помпею, и знал пути Рима, и обладал всеми его пороками. И сказали ему: «Гляди, в твоей стране пес пожирает

пса, и оба пса пришли к нам, дабы пожрать нас. Что ты можешь посоветовать нам?» И воин этот, которому было имя Луций Септимий и которого вы ныне увидите перед собой, ответил: «Вам надлежит тщательно взвесить, который из двух псов сильнее, и затем убить слабейшего в угоду сильному и тем завоевать его милость». И египтяне сказали: «Ты дал дельный совет, но если мы убьем человека, мы преступим закон и поставим себя наравне с богами, а этого мы не смеем делать. Но ты — римлянин: тебе привычно убийство, ибо у тебя страсть господствовать. Не возьмешься ли ты вместо нас убить того пса, который послабее?» И Луций ответил: «Да будет так, ибо я сделал Египет отчиной своей и желаю, чтобы вы почитали и слушали меня». И египтяне сказали: «Мы так и думали, что ты не станешь делать этого безо всякой мзды; ты получишь свою награду». И вот Помпей прибыл в Египет и пристал к берегам его один, на маленькой галере, положившись на его закон и обычай. И народ Египта увидел, что Помпей поистине слабый и ничтожный пес; и едва он успел ступить на берег, как его встретил его старый соратник Луций Септимий, который одной рукой приветствовал его, а другой отсек ему голову; и сохранил эту голову, как кочан капусты, дабы поднести ее в дар Цезарю. И род людской содрогнулся. А боги засмеялись: ибо Септимий был всего лишь мечом, отточенным рукой Помпея. И когда меч этот обратился против его собственного горла, боги сказали, что Помпею лучше было бы сделать Септимия хлебопашцем, а не столь доблестным и скорым на руку убийцей. И поэтому я снова говорю вам: остерегайтесь вы, которые все желали бы стать Помпеями, если бы осмелились; ибо война — это волк, и он может прийти и к вашей двери.

Вам, кажется, наскучила речь бога? Вас снедает нечистое желание послушать о жизни порочной женщины? Или имя Клеопатры пробудило в вас это любопытство? О, вы глупцы! Клеопатра всего лишь дитя, которое нянька наказывает розгой. И я, заботясь о благе ваших душ, хочу показать вам, как Цезарь, который пришел в Египет искать Помпея, нашел Клеопатру; и как принял он в дар этот кочан капусты, что некогда был головой Помпея; и что произошло между старым Цезарем и царицей-ребенком, пока он не покинул Египта и не проложил себе победный путь в Рим, затем чтобы быть убитым, подобно Помпею, людьми, в которых еще уцелел дух Помпея. Все это вы увидите и в невежестве своем будете удивляться тому, что за двадцать веков до ваших дней люди были такие же, как вы, жили и говорили, как вы, — не хуже и не лучше, не умнее и не глупее. И эти две тысячи лет, что минули с тех пор, — для меня, бога Ра, всего лишь мгновение; и то, что вы зовете сегодняшним днем, ничем не отличается от того дня, когда Цезарь впервые ступил на землю моего народа. А теперь я покину вас, ибо вы тупое племя и поучать вас — напрасная трата слов; и я бы не стал расточать их, не будь я богом, а природа богов такова, что они вечно борются с прахом и тьмой и своей неизбывной жаждой божественного вечно стремятся высечь из праха и тьмы новые и новые искры жизни и света. Итак, сидите спокойно на ваших сиденьях и молчите, ибо вы услышите сейчас речь человека, и, по вашему разумению, это был великий человек. И не бойтесь, я больше не заговорю с вами; да откроют вам истинный ход истории те, кто жил в ней. Прощайте и не вздумайте рукоплескать мне!

Храм исчезает в глубоком мраке.

Вариант пролога

Октябрьская ночь на сирийской границе Египта в конце царствования XXXIII династии, 706-й год по римскому летоисчислению, 48-й до Рождества Христова — по более позднему, христианскому исчислению. Яркий серебряный свет; заря лунной ночи полыхает на востоке. Звезды и безоблачное небо — наши современники, разве лишь на девятнадцать с половиной веков моложе, чем те, которые мы знаем. Но по их виду этого сказать нельзя. Внизу под ними — два весьма сомнительных завоевания цивилизации: дворец и солдаты. Дворец — старая низкая сирийская постройка из беленого ила — значительно менее уродлив, чем Букингемский дворец; и офицеры во дворце много культурнее, чем современные английские офицеры: так, например, они не имеют обыкновения выкапывать тела мертвых врагов и четвертовать их, как мы поступили с Кромвелем и Махди. Они разбились на две группы: одна с напряженным вниманием следит за игрой своего начальника Бельзенора, воина лет пятидесяти; он положил копье на землю около колена и, наклонившись, мечет кости, играя с молодым, лукавого вида, персидским наемником. Другая группа собралась вокруг одного из офицеров стражи, который только что рассказал непристойный анекдот (до сих пор пользующийся большим успехом в английских казармах), встреченный громовым хохотом. Всего их человек двенадцать; это молодые офицеры египетской гвардии, юноши из высокой аристократии. Они в красивой одежде, с оружием и в до-

спехах, при этом, в отличие от англичан, они не стыдятся своей профессиональной одежды и не тяготятся ею — наоборот, они явно и высокомерно воинственны и гордятся своей принадлежностью к военной касте.

Бельзенор — типичный ветеран, суровый и крутой: находчивый, усердный и исполнительный в тех случаях, когда требуется грубая сила; беспомощный и ребячливый, когда она не требуется; прекрасный сержант, неспособный генерал, никуда не годный диктатор. В современном европейском государстве, будь у него хорошие связи, несомненно, подвизался бы на двух этих последних поприщах в силу своих заслуг на первом. Ныне, принимая во внимание, что Юлий Цезарь идет войной на его страну, он заслуживает сожаления. Не зная об этом, он весь поглощен игрой с персом, которого он, как чужеземца, считает способным и сплутовать.

Его подчиненные — по большей части красивые юноши; их интерес к игре и к непристойному анекдоту довольно полно характеризует основной круг интересов, которыми они живут. Их копья стоят у стены или лежат на земле, готовые служить им в любую минуту. Угол двора образует треугольник; одна сторона его — это фасад дворца с его главным входом, другая — стена с воротами. Группа, слушающая рассказчика, находится около дворца, игроки — ближе к воротам. Рядом с воротами, у стены, большой камень, с которого нубиец-часовой может оглядывать окрестность. Двор освещен факелом, воткнутым в стену. Когда хохот воинов, окружающих рассказчика, смолкает, перс, стоящий на коленях и выигравший этот кон, хватает ставку с земли.

Бельзенор. Аписом клянусь, перс, твои боги благоволят тебе.

Перс. Попробуем еще, о начальник. Отыграешь-ся или проиграешь вдвое.

Бельзенор. Нет. Довольно. Мне сегодня не везет.

Часовой (*выглянув наружу, берет наперевес свое копьё*). Стой. Кто идет?

Все настораживаются. Незнакомый голос отвечает из-за стены.

Гонец. Гонец с дурными вестями.

Бельзенор (*кричит часовому*). Пропустить!

Часовой (*опуская копьё*). Приблизься, гонец с дурными вестями.

Бельзенор (*пряча в карман кости и поднимая с земли копьё*). Принять с почестями этого человека. Он несет дурные вести.

Воины хватают свои копьё и строятся около ворот, оставляя проход для пришельца.

Перс (*поднимаясь с колен*). Разве дурным вестям подобают почести?

Бельзенор. Слушай меня, о невежественный перс, и учись. В Египте гонца с добрыми вестями приносят в жертву богам — как благодарственный дар; но ни один бог не примет крови посланца зла. Когда мы посылаем хорошую весть, мы вкладываем ее в уста самого негодного раба. Дурные вести несет благородный юноша, который желает отличиться.

Они присоединяются к тем, что стоят у ворот.

Часовой. Иди, о юный воин, и склони голову в доме царицы.

Голос. А ты намажь свое копьё свиным салом, о чернокожий. Ибо еще не вспыхнет утро, как римлянин заставит тебя проглотить его по самую рукоять.

Вестник — светловолосый щеголь, одетый иначе, чем дворцовая стража, но не менее вычурно, — смеясь, входит в ворота. На нем явственные признаки кровавой битвы: левая рука, на перевязи, выглядывает из разорванного рукава, в правой руке он держит римский меч в ножнах. Он важно шествует по двору. Перс справа от него, Бельзенор слева, стража толпится сзади.

Бельзенор. Кто ты, осмеливающийся смеяться в доме царицы Клеопатры и пред лицом Бельзенора, начальника ее стражи?

Пришелец. Я Бел-Африс, потомок богов.

Бельзенор (*торжественно*). Привет, родич!

Все (*кроме перса*). Привет, родич!

Перс. Вся стража царицы — потомки богов, кроме меня, о чужеземец. Я перс, потомок многих царей.

Бел-Африс (*страже*). Привет, родичи! (*Персу, снисходительно.*) Привет, смертный!

Бельзенор. Ты с поля битвы, Бел-Африс! Ты, воин, здесь среди воинов. Ты не допустишь, чтобы женщины царицы первыми услышали твои вести.

Бел-Африс. У меня нет иных вестей, кроме того, что всем здесь, женщинам и воинам, скоро пережут глотки.

Перс (*Бельзенору*). Говорил я тебе?

Часовой (*он слушал их*). Горе нам, горе!

Бел-Африс (*часовому*). Успокойся, бедный эфиоп. Судьба в руках богов, которые сделали тебя черным. (*Бельзенору.*) Что тебе говорил этот смертный? (*Показывает на перса.*)

Бельзенор. Он говорил, что римлянин Юлий Цезарь, который высадился с кучкой своих приверженцев у наших берегов, станет владыкой Египта. Он боится римских солдат!